

Инь Лянцзянь наклонился к нему. На коже виднелась глубокая, уже покрывшаяся коркой рана. Он обмакнул палец в нежную мазь и бережно втер её в края повреждения.

От прикосновения прохладного пальца к горячей коже Гу Цзинмо едва слышно выдохнул.

Лянцзянь закончил перевязку и уже хотел отстраниться, но Гу Цзинмо перехватил его руку. Лянцзянь вопросительно поднял взгляд, и в спокойных глазах Гу Цзинмо промелькнули подавленные чувства.

Гу Цзинмо притянул его к себе, но не стал продолжать — просто уронил голову ему на плечо. Лянцзянь, сидя у него на коленях, почувствовал, как его бедро коснулось паха Гу Цзинмо. Мгновенно всё поняв, он откусил кусочек яблока, приник губами к губам партнера и прошептал:

— Хочешь, покормлю тебя?

Гу Цзинмо поцеловал его.

Его правое плечо нельзя было тревожить, поэтому Лянцзянь, не смея касаться раны, лишь слегка приобнял его за спину. Гу Цзинмо смахнул со стола бумаги и принадлежности для письма, и Лянцзянь, подыграв ему, уселся на край стола, обхватив ногами поясницу Гу Цзинмо...

Любовь возвышается в близости — Лянцзянь был в этом глубоко убежден.

Перед самым пиком блаженства он прижался к уху Гу Цзинмо, прикусил мочку и пробормотал:

— Я люблю тебя.

Когда нахлынула горячая волна, Гу Цзинмо опустил взгляд на покрасневшие щеки возлюбленного и глухо отозвался:

— М-м.

[Уровень симпатии цели захвата: 70. Пожалуйста, продолжайте стараться, носитель.]

Начало второго лунного месяца, время экзаменов. Лянцзянь, словно родитель выпускника, томился в ожидании у входа в экзаменационный зал. Абитуриенты выходили один за другим: кто-то смеялся, кто-то рыдал, а один из кандидатов, не выдержав напряжения, бросился в реку.

Лянцзянь видел, как несколько отрядов стражи с рыболовными сетями бросились вылавливать утопленника.

А вот его Гу Цзинмо был невозмутим: ел, спал и сохранял удивительное спокойствие. В середине месяца вывесили списки, и Гу Цзинмо, как и ожидалось, занял первое место — стал чжуаньюанем.

Позже Лянцзянь узнал, что Гу Цзинмо одержал победу на всех трех этапах экзаменов.

Видимо, это и значит — настоящий гений.

Весенний ветер раздувал полы одежды, а конь летел быстрее мысли. В день торжественного выезда по императорской улице все цвело, ивы склоняли свои пышные ветви. Знатные девицы из высоких теремов высыпали на улицы, прикрываясь веерами и толкаясь, чтобы разглядеть новоиспеченных чиновников.

— Принцесса, говорят, тот, кто занял третье место, невероятно статен, и он еще не женат...

Принцесса Чанлэ прищурилась с улыбкой:

— Смотри дальше, обладатель третьего места всегда самый красивый из тройки лучших. Хотя до меня дошли слухи, что нынешнему чжуаньюаню всего двадцать, он хорош собой и одарен талантами. Мне не терпится взглянуть, что это за выдающийся человек.

Служанка хитро блеснула глазами:

— Принцесса, неужели вы хотите...

Вдруг на улице раздалось ржание коней и восторженные крики толпы. Принцесса подалась к окну.

На гнедом скакуне восседал молодой господин. Его спина была прямой, как клинок, скрытый в ножнах. Высокий, статный, в алом халате, он казался ярким, как пламя.

Черты лица правильные, утонченные, брови острые, словно взлетающие к вискам, глаза ясные, как звезды, прямой нос и губы, будто тронутые краской. От него веяло благородством и сдержанностью — истинный аристократ.

Словно нефрит среди людей, единственный в своем роде, прекрасный юноша.

Принцесса затаила дыхание, завороченно глядя на чжуаньюаня.

Словно почувствовав взгляд, Гу Цзинмо поднял глаза. Сквозь дымку ивовых ветвей, колышущиеся флаги лавок и шум суетного мира на нее смотрели его прохладные, как вода, темные глаза, подернутые легким блеском.

Лицо принцессы вмиг вспыхнуло.

Что это был за взгляд! Она словно лишилась рассудка, тело стало невесомым, будто она танцевала в девяти небесах.

— Я должна пойти к отцу-императору... — прошептала она.

Принцесса не видела, что в соседней ложе юноша в белых одеждах лениво опирался на перила, вращая в тонких пальцах нефритовый кубок. Его кожа казалась белее и чище самого нефрита.

Черные волосы падали на плечи, Лянцзянь сонно прищурился, прикидывая, что после праздничного банкета они с Гу Цзинмо отправятся отмечать в лучший ресторан столицы.

Гу Цзинмо назначили редактором в Академию Ханьлинь, пятый ранг. Дядя рассказывал, что, беседуя с императором, тот похвалил нынешнего чжуаньюаня за достоинство, подобающее великому министру.

— У тебя блестящее будущее. Работай усердно. Дядя ждет того дня, когда ты войдешь в состав Кабинета министров, — Гу Чжэн похлопал племянника по плечу.

Гу Цзинмо поклонился:

— Я не подведу ваших ожиданий, дядя.

После банкета император неожиданно вызвал его к себе. Гу Цзинмо приготовился отвечать на вопросы о политике, но правитель, восседавший на троне, лишь мягко улыбнулся:

— Ты еще так молод, обзавелся ли уже семьей?

Гу Цзинмо замер, а император перешел к делу:

— Моя принцесса Чанлэ положила на тебя глаз. Хочу спросить, не желаешь ли ты стать зятем императора?

Хотя это прозвучало как вопрос, по сути, это был приказ.

Гу Цзинмо тут же опустился на колени и твердо произнес:

— Ваше Величество, у меня уже есть супруг, боюсь, я не могу позволить принцессе выйти за меня и терпеть унижение.

— Ты лжешь! Откуда у тебя супруга? — из-за ширмы вышла принцесса, которая всё это время слушала их разговор, ее прекрасные глаза пылали гневом.

Гу Цзинмо ответил:

— Я не лгу. Просто мой супруг — мужчина, а принцесса, очевидно, не была осведомлена об этом.

Чанлэ вскричала:

— Как мужчина может быть законной женой? Он же не сможет родить тебе детей! Брось его, я всё равно согласна выйти за тебя!

Гу Цзинмо спокойно посмотрел на нее:

— Я польщен вниманием принцессы и глубоко ценю милость императора. Однако мое сердце уже занято, и, как говорят древние, нельзя бросать жену, с которой делил горести. Прошу прощения, но я не могу исполнить вашу волю.

Лянцзянь сидел в чайной и слушал рассказчика, беззаботно закинув ногу на ногу. Вдруг путь ему преградила фигура. Лянцзянь поднял глаза: перед ним стояла девушка, переодетая в мужское платье.

Лянцзянь усмехнулся:

— Что-то случилось, господин?

Девушка ответила:

— Мой господин желает вас видеть.

Лянцзянь приподнял бровь. Он не был знаком со столичной знатью, а потому не понимал, что от него нужно этому господину. Однако, видя нарядную одежду посланницы, он понял, что человек этот богат и влиятелен, поэтому встал и улыбнулся:

— Хорошо.

Служанка проводила его к карете. Спустя четверть часа перед ним предстали ворота дворца принцессы.

Лянцзянь дернул уголком рта.

Вот это да, сама принцесса его ищет!

За пологом виднелся силуэт, в комнате витал аромат цветов. Лянцзянь остановился, поклонился и ровным голосом произнес:

— Не знаю, зачем принцесса вызвала этого простолюдина?

Из-за занавесок раздался капризный голос:

— Ты и есть Инь Лянцзянь, супруг нынешнего чжуаньюаня?

Лянцзянь моргнул, быстро обдумывая ситуацию, и медленно ответил:

— Можно сказать и так.

— Можно сказать? — усмехнулась принцесса Чанлэ. — Ты знаешь, что император хотел даровать Гу Цзинмо брак со мной, но из-за тебя он отказался?

— Он мне об этом не говорил, — задумчиво произнес Лянцзянь.

— Еще бы, решил остаться в стороне! Мой отец в ярости, он собирается наказать его!

Лянцзянь снова поклонился:

— Император мудр и ценит таланты, он ни за что не станет винить в этом чиновника.

Принцесса пытается взять его на испуг? Смешно. Разве он попадется на такую удочку?

Раз Гу Цзинмо не сказал ему об этом, значит, он уже решил проблему. Скорее всего, принцесса просто не может смириться и ищет способ надавить через него.

Чанлэ в ярости отдернула занавеску, ее красивое лицо исказилось от гнева:

— Мне плевать, кто ты! Тот, кто мне приглянулся, не должен доставаться другим!

Лянцзянь невозмутимо посмотрел на нее:

— Принцесса, в таких делах принято соблюдать очередь, не так ли? Лично я не против, если мой супруг возьмет наложницу. Всё зависит от того, согласна ли принцесса... стать второй женой.

Видя его невозмутимость, принцесса чуть не лопнула от злости:

— Ты не ценишь доброго отношения! Стража, схватить его!

— Что такое? Принцесса хочет отрубить мне голову? Если так, мой супруг непременно отправится в суд бить в барабаны и требовать справедливости.

Лянцзянь либо молчал, либо бил прямо в цель.

Лицо принцессы пошло пятнами, она процедила:

— Если ты уйдешь от него, я дам тебе тысячу золотых. Разве не все мужчины жаждут власти и гаремов? Я могу дать тебе всё это. Почему ты так стремишься подчиняться другому и быть его мужем?

Лянцзянь рассмеялся:

— Потому что мы любим друг друга по-настоящему. Принцесса, не тратьте силы зря. Даже если вы выйдете за него, не каждый выдержит холодное обращение.

Принцесса не поняла, что такое холодное обращение, но с недоумением смотрела на юношу, который вел себя так, будто гуляет в собственном саду. Он не боялся ни ее власти, ни богатства.

Неужели в этом мире существуют чувства, которые невозможно разрушить? Такое редко встретишь даже между мужчиной и женщиной, а уж между людьми одного пола...

Лянцзянь вышел из дворца невредимым. Уже темнело. Гу Цзинмо вернулся из Академии, но Лянцзянь не стал рассказывать ему о случившемся.

В ту ночь принцесса не сомкнула глаз.

Хотя браки между мужчинами случались, это не было нормой. Большинство делают это, лишь

когда не могут найти жену, и, как только добиваются успеха, тут же берут наложниц, боясь остаться без наследников.

Гу Цзинмо, выходец из знатного рода, не испытывал проблем с выбором жены, но пошел наперекор всему, женившись на мужчине — да еще и поставил всех перед фактом, чуть не доведя родителей до сердечного приступа.

Принцесса была заинтригована: что за лиса-оборотень так околдовала чжуаньюаня?

Она послала людей разузнать о прошлом Лянцзяня, и это расследование привело к катастрофе.

Лянцзянь на собственном опыте узнал, что значит фраза: сидишь дома, а беда приходит сама.

Началось лето, застрекотали цикады. Стояла жара, и он с Гу Цзинмо сидел дома, поедая ледяной арбуз. Вдруг снаружи поднялся шум, и в дом ворвались стражники в парчовых халатах с мечами на поясе.

Гу Цзинмо сразу помрачнел. Он был чиновником, всегда вел себя осторожно и честно, и вдруг — визит тайной стражи. Что происходит? В чем он провинился?

— Позвольте спросить... — начал было Гу Цзинмо, но глава стражи, Чжан, махнул рукой.

— Господин Гу, это вас пока не касается, — Чжан повернулся к Лянцзяню. — Схватить его!

Двое стражников бросились к Лянцзяню. Тот проглотил кусок арбуза и с легким недоумением посмотрел на них.

Гу Цзинмо заслонил Лянцзяня собой:

— У всего должна быть причина. Назовите хотя бы повод для ареста.

Чжан удивленно хмыкнул:

— Господин Гу, вы не знали? О, значит, вас тоже обманули.

Он указал на Лянцзяня:

— По нашим сведениям, этот человек — главарь разбойников. По закону он подлежит казни!

Неизвестно, какими методами он одурачил вас и жил под видом вашего супруга! Если не верите, скоро я пришлю вам документы с доказательствами.

Гу Цзинмо был ошеломлен, но виду не подал:

— Чей это приказ?

— Императора, — отрезал Чжан. — Сначала об этом узнала принцесса Чанлэ и доложила Его Величеству. Он и послал меня.

Значит, принцесса.

Гу Цзинмо глубоко вздохнул:

— Здесь есть неясности. Я хочу лично встретиться с императором и всё обсудить, а уже потом вы решите, стоит ли его арестовывать.

Командир посмотрел на него пронзительным взглядом:

— Господин Гу, вы пытаетесь препятствовать исполнению приказа? Если он невиновен, мы его отпустим. А если виновен... тогда вы, господин Гу, становитесь сообщником преступника, обманувшим императора. А за это можно и головы лишиться.

Лянцзянь молча слушал их разговор. Гу Цзинмо пытался его защитить, но то, что нашла принцесса, было правдой. Он действительно был приемным сыном Инь Лимина, и его можно было назвать главарем. А то, что он никогда не участвовал в делах разбойников — кто в это поверит?

Император приказал его схватить, и если Гу Цзинмо продолжит его защищать, это будет приравниваться к неповиновению.

Лянцзянь тихо кашлянул, сжал край одежды Гу Цзинмо и спокойно посмотрел на командира:

— Я признаю свою вину. Это я обманул господина Гу, он ничего не знал.

Гу Цзинмо вскрикнул:

— Лянцзянь!

Его спокойствие испарилось, в глазах читалась тревога. Он прошептал:

— Зачем ты это сделал... — Возможно, еще оставался шанс на спасение, но Лянцзянь признался сам!

Лянцзянь покачал головой:

— Раз уж так вышло, я не хочу втягивать тебя.

Укрывательство разбойника и обман — разные вещи. Принцесса хотела его уничтожить, но боялась задеть Гу Цзинмо, поэтому сделала акцент на обмане. Так зачем ему тянуть Гу Цзинмо в эту грязь?

Командир Чжан замер, не ожидая такого быстрого признания:

— Тогда пошли!

Стражники двинулись к нему, но Лянцзянь уклонился и невозмутимо произнес:

— Погодите, я еще арбуз не доел.

Попадешь в тюрьму — такого сладкого арбуза уже не поешь.

И вся эта толпа стояла и смотрела, как Лянцзянь доедает арбуз и вытирает рот.

Лянцзянь одернул складки одежды и, подняв взгляд, сказал:

— Не нужно меня конвоировать. Где тюрьма? Я пойду сам.

Такой покорный преступник... он в тюрьму идет или на пир?

Гу Цзинмо смотрел, как фигура Лянцзяня исчезает из виду, и сердце его сжалось.

Словно ветер, который невозможно удержать, он ускользал сквозь пальцы.

В тот момент ему показалось, что это их последняя встреча в жизни.

О жестокости пыток в тюрьме Лянцзянь был наслышан, но не ожидал, что, едва войдя, окажется привязанным к дыбе под градом ударов кнута. Когда его отвязали, он рухнул на пол

и потерял сознание.

Открыв глаза, он обнаружил себя в камере. В нос ударил запах плесени, в углу лежала охапка соломы вместо кровати, пол был сырым, по нему ползали насекомые.

Лянцзянь пошевелил пальцами и тихо застонал. Тело горело, боль проникала до самых костей, словно острые ножи резали плоть.

[Состояние носителя критическое, я активировал функцию исцеления, — голос Системы, обычно холодный и механический, прозвучал с оттенком сочувствия. — Уровень боли снижен на 30%.]

Боль немного отступила.

Лянцзянь обессиленно выдохнул: [Спасибо... как же я скучаю по современному миру, там даже тюремные условия лучше.]

Отдохнув, он с трудом поднялся и сел, прислонившись к стене.

В тюрьме давали лишь одну порцию в день: жесткий паровой хлеб с солеными овощами и чашку жидкой каши. За три дня Лянцзянь сильно исхудал, лицо приобрело болезненный оттенок. Раны не заживали, держалась легкая лихорадка.

Он заставлял себя долго спать, чтобы сберечь силы.

Но это было не самое страшное.

Он был отрезан от мира, не знал, какой приговор его ждет и не пострадает ли Гу Цзинмо.

На пятый день пришла принцесса Чанлэ.

В своем ярком наряде она выглядела как небожительница, совершенно чуждая этому мрачному месту. Она высокомерно остановилась у решетки камеры, словно бросала подачку нищему:

— Дайте ему нормальной еды, пусть поддержит жизнь, чтобы не сдох до дня казни.

Лянцзянь поджал губы, на его лице не было ни гнева, ни страха — лишь равнодушие.

— Благодарю за доброту, принцесса, — хрипло произнес он.

На словах — благодарность, на деле — насмешка.

Принцесса, словно получив пощечину, в ярости указала на него:

— Что ты притворяешься? Я пришла сказать: через десять дней твоя голова слетит с плеч! А я... — она победно улыбнулась. — За эти дни твой Гу Цзинмо заходил к тебе? Нет. Потому что он согласился жениться на мне. Свадьба седьмого числа следующего месяца.

Лянцзянь опустил голову.

Сквозь узкое окно в стене падал прямой луч света, но он не освещал его лица.

— Принцесса, вам не кажется это жалкими? Пытаться убить меня, а потом силой заставить его жениться... Как он может искренне полюбить вас после такого?

Это была не погоня за любовью, это было осквернение любви.

Легкое замечание попало точно в цель. Принцесса помрачнела:

— Я заставлю его полюбить меня! И вообще, какое право ты имеешь так говорить? Гу Цзинмо был вынужден подчиниться тебе, разве ты не похитил его силой?

Лянцзянь задумался. Черт, а принцесса права.

Но кожа у него была толстая. Он поднял лицо и с вызовом произнес:

— Похитил, и что? Я старался, угождал, и самое главное — я не убивал того, кого он любит. А вы не даёте нам шанса, чтобы чувства окрепли? К тому же, принцесса, мы разные. Моя любовь — это искреннее стремление, а ваша — насильственный захват.

— О моя дорогая принцесса, если его сердце занято мной, найдется ли там место для вас?

Лянцзянь смотрел на принцессу, отчетливо чеканя слова:

— Так что вы опоздали.

В любви самое страшное — опоздать. Опоздал на шаг — и шансов больше нет.

Если бы не решетка, принцесса бросилась бы внутрь и растоптала его. Она в бешенстве выкрикнула угрозы и ушла.

Спустя два дня после этого визита, Гу Цзинмо наконец появился перед ним.

Он выглядел так же, как прежде, но под глазами залегли тени, а в глубине взгляда застыла бесконечная тоска.

Они молчали.

Лянцзянь попытался подняться, чтобы подойти ближе, но пошатнулся и упал прямо к ногам Гу Цзинмо. Их разделяли лишь железные прутья.

— Ох! — Лянцзянь поморщился от боли, а потом, пытаясь сгладить неловкость, поднял голову и вымученно улыбнулся: — ...С Новым годом, мой супруг.

На лице Гу Цзинмо промелькнула скорбь. Видеть, как любимый человек, измученный и разбитый, пытается шутить, было для него не утешением, а ножом в сердце.

Он опустился на колени перед решеткой, словно каясь, и просунул руку, чтобы погладить Лянцзяня по голове. Его голос был низким и хриплым:

— Ты настрадался.

Сердце Лянцзяня смягчилось. Он потерся щекой о его ладонь и улыбнулся:

— Я думал, ты не придешь. Принцесса Чанлэ не обижала тебя?

Гу Цзинмо замер, его взгляд стал пустым, словно он вспоминал что-то.

У Лянцзяня возникло дурное предчувствие:

— ...Цзинмо, зачем ты пришел?

Проводить его в последний путь?

Неужели всё так плохо!

Хотя бы позволили поднять уровень симпатии до 100 перед смертью!

Гу Цзинмо пришел в себя, его взгляд был сложным, полным невысказанных слов, боли, жалости, которые в конце концов сменились холодом.

Да, именно холодным, бесчеловечным равнодушием. В его глазах не осталось тепла.

Лянцзянь невольно удивился.

— Тебя провезут по улицам, народ будет проклинать тебя и бросать нечистоты, а потом на глазах у всех отрубят голову, — кадык Гу Цзинмо дернулся, голос был спокойным и подавленным. — Когда ты умрешь, если никто не заберет твое тело, его растерзают бродячие псы и стервятники.

Лянцзянь дернул уголок рта, на лице отразилось недоумение: к чему он это говорит? Пугает его?

Раз уж умер, какая разница, что станет с телом?

Хотя древние придавали огромное значение погребению. В глазах Гу Цзинмо это означало ужасную смерть, после которой душа не сможет переродиться.

<http://bllate.org/book/21563/2220085>